

**Чехословакия и словацкие венгры-кальвинисты:
от противоречий межвоенного периода
к кризисным явлениям 1945–1948 гг.**

Слоистов Сергей Михайлович
Младший научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
119334, Ленинский проспект, д. 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: s.sloistov@inslav.ru
ORCID: 0000-0002-4591-4223

Цитирование

Слоистов С. М. Чехословакия и словацкие венгры-кальвинисты: от противоречий межвоенного периода к кризисным явлениям 1945–1948 гг. // Славянский альманах. 2025. № 3–4. С. 77–105.
DOI: 10.31168/2073-5731.2025.3-4.04

Статья поступила в редакцию 13.01.2025.

Рецензирование завершено 21.01.2025.

Статья принята к публикации 16.09.2025.

Аннотация

Кризисные явления в жизни общины чехословацких кальвинистов, с которыми она столкнулась в 1945–1948 гг., нельзя рассматривать в отрыве от динамики национальной эмансипации словацкой ее части в межвоенный период. Сложившиеся в то время между словацким меньшинством и венгерским большинством внутри Реформатской церкви на территории Чехословакии противоречия стали исходной точкой для последующей конфронтации в период после Первого Венского арбитража до окончания Второй мировой войны, а затем и переломного 1948 г. Восстановление контроля чехословацких властей над южными районами Словакии и интеграция этих земель в рассматриваемый послевоенный период велась с помощью системы антивенгерских дискриминационных мер, анализ которых приводится в данной работе. Однако общая антивенгерская политика чехословацкого государства имела и свои особенности. Ее реализация зависела от конкретной специфики той или иной группы внутри венгерского меньшинства. В статье особое внимание уделено существованию в эти критические для словацких венгров времена

Кальвинистской церкви. Кроме определявших ее функционирование причин антивенгерского характера, затрагивается важный для понимания ее положения фактор развития противостояния левых сил в стране с Католической церковью. Тем самым исследуются значимые для части словацких венгров обстоятельства, в первую очередь связанные со сферой церковно-государственных отношений, но одновременно повлиявшие и на результаты этнонациональной политики Чехословакии по отношению к венгерскому национальному меньшинству. Автором активно использовались архивные материалы, в том числе ранее не опубликованные и выявленные за рубежом.

Ключевые слова

Венгры в Словакии, кальвинисты, Реформатская церковь, национальная политика, дискриминация, государственно-церковные отношения, венгеро-словацкие отношения, Чехословакия.

Проблематика истории венгерского национального меньшинства в первые годы после окончания Второй мировой войны имеет много аспектов. Один из ракурсов – это этнонациональные отношения (взаимодействие титульных национальностей и меньшинства), которые можно рассматривать через призму воздействия представлявшего интересы чехов и словаков государства на проживавших на юго-востоке его территории венгров. Другой – подробное рассмотрение церковно-государственных отношений, определение тех факторов, которые влияли на положение конфессиоанльных меньшинств, в частности венгров, исповедовавших кальвинизм. Второй подход может служить важным дополнением к первому и дать более рельефную картину положения венгров на юге Словакии в 1945–1949 гг.

Тема конфессиональной политики Чехословакии в эти годы – очень обширная и достаточно глубоко изученная¹. Не менее богата и историография венгерского вопроса в Словакии².

1 О чешской и словацкой историографиях церкви и религиозных сообществ данного периода см., например: *Zouhar J. Prehľad cirkevnéj historiografie v Českej republike v novom tisícročí // Konštatínove listy*. 2014. R. 7. S. 85–88; *Pácha M. Možnosti výzkumu katolické církve v českých zemích v raném období komunistické diktatury // Soudobé dějiny*. 2019. Č. 2–3. S. 350–362; *Petranský I. Dějiny církví a náboženských spoločností na Slovensku v 20. storočí*. Trnava, 2017. S. 209–222. Об исследовательской литературе, посвященной венграм-кальвинистам, см.: *Kis B. (összeáll.). Szlovákiai magyar református vonatkozású könyvek válogatott bibliográfiája (1990–2007) // Fórum Társadalomtudományi Szemle*. 2008. 10. évf. 2. sz.

Словаки внутри кальвинистской общины в межвоенный период и годы Второй мировой войны

Обладающая значительным влиянием на венгеро-словацком пограничье Реформатская церковь была неоднородна по этнонациональному составу своих членов, среди которых словаки составляли меньшинство при абсолютном доминировании венгров. Однако с образованием Чехословакии у кальвинистов-словаков появилось больше возможностей добиваться учета своих интересов на уровне церкви как отдельной группы верующих, объединенных не только общим вероучением, но и специфическими культурными запросами.

Приводимые в литературе данные о деятельности кальвинистов-словаков в межвоенный период³ свидетельствуют о большом потенциале данной группы верующих, их организованности, наличии у их лидеров собственной стратегии и тактики. Они действительно стремились обеспечить верующим словацкой национальности возможность развивать свою религиозную жизнь, активно используя словацкий язык и существовавшие достижения словацкой нематериальной культуры. Их активность была направлена на обеспечение поддержки этих начинаний соответствующими церковными институтами: как отдельными (сеньорат, печать, дополнительное общественное объединение), так и общими (руководящие органы церкви, образовательные организации, финансовые и хозяйствственные учреждения).

147–158. old. О церковно-государственных отношениях в Чехословакии (в 1945 – начале 1950-х гг.) на русском языке см. соответствующие главы монографии: Волокитина Т. В., Мурашко Г. П., Носкова А. Ф. Москва и Восточная Европа. Власть и церкви в период общественных трансформаций 40–50-х гг. ХХ в.: Очерки истории. М., 2008. 807 с.

2 Так, библиография исторических работ по данному вопросу только за 1990–2002 гг. насчитывает более 200 позиций (см.: *Simon A. (összeáll.). A szlovákiai magyarok történetének válogatott bibliográfiája (1990–2002). Somorja; Dunaszerdahely, 2004. 104–129. old.*), а за последние два десятилетия историки продолжали также активно обращаться к данной теме, еще больше расширив список связанных с ней публикаций. О положении венгров в Словакии в рассматриваемый период см., например: *Popély Á. Fél évszázad kisebbségben. Fejezetek a szlovákiai magyarság 1945 utáni történetéből. Somorja, 2014. 31–178. old.*; на русском языке: Национальная политика в странах формирующегося советского блока. 1944–1948 / отв. ред. В. В. Марьина. М., 2004. С. 211–309; *Желицки Б. Й. Венгрия новейших времен. Очерки политической истории 1944–1994 гг. М., 2017. С. 68–161.*

3 *Svátková I. Reformovaná cirkev na Slovensku v rokoch 1918–1938 // Národ – cirkev – štát. Bratislava, 2007. S. 144–153.*

Таким образом, мы можем говорить о наличии еще в 1930-е гг. внутри самой церкви значительной группы сторонников упрочнения позиций словацкой культуры среди местных кальвинистов. Характеризуя требования словацкой части общины реформатов, необходимо обратить внимание на следующие особенности их предложений: 1. они относились практически ко всем важным сферам церковной жизни; 2. осуществление этих пожеланий должно было затронуть в первую очередь верующих словацкой национальности (хотя косвенно касалось и венгров: например, в общинах, где они были в меньшинстве, до этого полностью направленный на реализацию церковной жизни в венгерских культурных формах ресурс подлежал сокращению); 3. они не предусматривали разделения и создания полностью отдельной словацкой Реформатской церкви, церковь в целом должна была получить различные механизмы, обеспечивающие нормальное существование двух групп ее верующих – венгров (большинства) и словаков (институционально защищенного меньшинства).

Присоединение территории южной Словакии к Венгрии в 1938 г. уменьшило численность Реформатской церкви на оставшейся словацкой территории, к кальвинистам теперь принадлежало около 14 тыс. человек⁴. По данным на октябрь 1943 г., кальвинисты в Словакии имели 27 пасторов⁵. Учитывая весь период государственного надзора с осени 1938 г. до конца 1944 г., количество провенгерски настроенного духовенства можно оценить в 15 пасторов⁶. При поддержке словаков-кальвинистов был образован новый орган управления церкви – Организационный комитет (был признан государством 10 ноября 1939 г.⁷). Словацкое государство пыталось различными методами сдерживать провенгерскую активность представителей всех традиционных христианских конфессий, в полной мере эта политика затронула и Реформатскую церковь.

После окончания войны и включения южной Словакии снова в состав Чехословакии сложилась ситуация, когда абсолютное большинство верующих Реформатской церкви было венграми, а руководство было представлено созданным в Словацкой республике Организационным комитетом.

⁴ Pešek J. Slovensko-maďarské spory v reformatkej kresťanskej cirkvi na Slovensku po druhej svetovej vojne // Národ – cirkev – štát. Bratislava, 2007. S. 185.

⁵ Hetényi M. Promaďarské duchovenstvo a náboženské pomery na pozadí vzťahu štátneho aparátu a maďarskej menšiny 1938–1945 // Studia Historica Nitriensia. 2005. R. 12. S. 116.

⁶ Ibid. S. 138.

⁷ Ibid. S. 116.

Положение словацких венгров в первые годы после окончания Второй мировой войны

Такое положение внутри Реформатской церкви в Словакии было очень выгодно властям, которые согласно Кошицкой программе первого послевоенного правительства ЧСР стремились создать государство двух равноправных славянских народов – чешского и словацкого. В рамках поддерживавшейся всеми легальными политическими силами в стране политики был взят курс на ликвидацию венгерского меньшинства в стране.

Другими словами, после окончания Второй мировой войны перед Чехословакией всталась проблема интеграции Южной Словакии, которая в 1938 г. по решению Первого венского арбитража была передана Венгрии. Возвращение чехословацкими властями контроля над указанной территорией в очередной раз меняло положение проживавшего на ней достаточно значительного венгерского населения, которое с распадом Австро-Венгрии стало гражданами инонационального государства, затем по решению арбитража вернулось в лоно исторической родины, а вслед за этим снова оказалось в границах ЧСР⁸.

Большинство проживавших на венгеро-словацком этническом пограничье венгров можно было отнести к местному населению, то есть, с их точки зрения, при смене государственных образований они становились заложниками глобальных процессов и, естественно, чувствовали себя более комфортно в стране, где их национальная культура была доминирующей. Иное мнение превалировало у чешских и словацких политиков, которых поддерживали в этом вопросе народные массы: такое ожидаемое отношение к Венгрии словацких венгров, которые прожили в новом чехословацком государстве относительно небольшое количество лет, воспринималось как предательство, поставившее Чехословакию под удар, сыгравшее важную роль в потере ею своей независимости.

Важно также отметить главные причины, по которым, с позиции чехов и словаков, эти земли никак не могли быть переданы венгерской

⁸ О проблеме словацких венгров в этот период на русском языке см., например: Желицки Б. Й. Проблемы выселения венгров из Чехословакии // Национальная политика... С. 211–284; Носкова Х. Венгерское меньшинство в Чехословакии и словацкое – в Венгрии: решение участия // Там же. С. 285–309; Мурашко Г. П. Как и где решалась судьба венгерского меньшинства в Словакии после Второй мировой войны (по материалам российских архивов) // Социальные последствия войн и конфликтов XX века: историческая память / отв. ред. Е. П. Серапионова. М.; СПб., 2014. С. 243–256.

стороне. Дело не только в сложностях размежевания территории со смешанным населением. ЧСР не могла бы уступить южные районы Словакии, так как они имели стратегическое значение для ее безопасности. Их передача привела бы к критической уязвимости в этой фундаментальной для каждой страны сфере.

В своих планах по выстраиванию послевоенной политики правительство ЧСР отводило Словакии особую роль (как стратегической с точки зрения безопасности страны территории). Если в межвоенный период из-за серьезного противостояния чехов с немецким меньшинством для чешских элит большое значение играло близкое в этноязыковом плане словацкое население (отсюда и концепция единого чехословацкого народа), то теперь особую важность приобретали сами лежащие на востоке страны словацкие земли. Через них Прага могла бы получить свою временную, в том числе и военную, помощь со стороны СССР. Именно поэтому ЧСР, руководствуясь собственными интересами, передала Советскому Союзу Подкарпатскую Русь, ставшую советским военным плацдармом за Карпатами⁹.

Исходя из военно-стратегических соображений, было необходимо, чтобы территория Словакии обеспечивала достаточную продовольственную базу для собственного населения (южные районы – наиболее плодородные земли), имела связывающие разные части страны и не прерываемые другими государствами транспортные коммуникации, обороны которых могла быть эффективной, а ее граница с соседями опиралась на наиболее благоприятные с точки зрения безопасности естественные характеристики местности. Без Южной Словакии достичь приемлемого уровня защищенности было крайне затруднительно¹⁰.

Для властей ЧСР в международно-правовом плане также важное значение играло признание ничтожности всех предыдущих договоренностей и соглашений, разрушивших территориальную

⁹ Марьина В. В. Закарпатская Украина (Подкарпатская Русь) в политике Бенеша и Сталина. 1939–1945 гг. М., 2003. С. 142–145; Československo-sovětské vztahy v diplomatických jednáních 1939–1945. Dokumenty / edd. J. Němeček, H. Nováčková aj. Díl 2 (červenec 1943 – březen 1945). Praha, 1999. S. 521. Zápis o jednání E. Beneše, J. Masaryka a Z. Fierlingera s V. M. Molotovem a V. A. Zorinem o Zakarpatské Ukrajině, 23. března 1945.

¹⁰ Подробнее см.: Мурашко Г. П., Слоистов С. М. К вопросу о некоторых внешнеполитических факторах, определивших послевоенную политику правящих кругов ЧСР в отношении венгерского национального меньшинства в Словакии (1944–1949) // Миграционные последствия Второй мировой войны: депортации в СССР и странах Восточной Европы. Вып. 3 / отв. ред. Н. Н. Аблажей, А. Блюм. Новосибирск, 2014. С. 197–200.

целостность страны. В чешских властных кругах хорошо осознавали опасность хотя бы одного исключения из этой стратегии. Признание справедливости требований венгров (как прецедент) неминуемо ставило вопрос о правах немцев. В дополнение к этому политическому и правовому аспекту существовал и другой: добавление к антимецким юридическим нормам антивенгерских сглаживало, по крайней мере в пропагандистском плане, их националистический характер (в таком случае формально речь шла о предателях и пособниках оккупантов разных национальностей).

В итоге Чехословакия проводила по отношению к приграничным с Венгрией районам следующую политику: 1. Пытаясь обеспечить безоговорочный правовой статус этих территорий на международной арене. 2. Там, где существовала крайняя необходимость, добивалась их приращения (незначительные по площади, но важные с точки зрения обеспечения безопасности участки вблизи Братиславы). 3. Осуществляла различные меры по искоренению венгерского населения.

На практике связанная с последним пунктом политика проводилась различными средствами: выселение венгров в Венгрию, обмен проживающих на территории Словакии венгров на словаков из Венгрии, принудительное перемещение венгров из Словакии в Чешские земли, препятствование возвращению в Словакию из плена военнослужащих венгерской национальности, проведение так называемой ресловакизации.

Чехословацкое руководство, проводя в пограничных с Венгрией районах антивенгерскую политику, ставило перед собой задачу полностью избавиться от венгерского национального меньшинства, искоренить все то, что было с ним связано. Исходя из этого, создание какой-либо даже полностью лояльной и подконтрольной чехословакскому государству организации для представительства интересов словацких венгров не предусматривалось, хотя бы и временно, с тактическими и пропагандистскими целями. Ставка делалась на быстрое решение венгерского вопроса. Деятельность любой институции, которая в той или иной форме могла бы поддерживать венгерскую общину в Словакии, с точки зрения власти была крайне нежелательна.

Положение Реформатской церкви в ЧСР (май 1945 – февраль 1948 г.)

Антивенгерская политика относилось и к Реформатской церкви, где венгры доминировали не только среди рядовых верующих, но и среди духовенства. Изменить данную ситуацию было непросто. Несмотря на все антивенгерские акции, по данным на конец 1947 г.

из общего количества 166 действовавших священнослужителей только 21 были словацкой национальности¹¹. В то же время построение церковно-государственных отношений на данном этапе, например, по советскому образцу вызвало бы еще больший международный резонанс и негативную реакцию среди проживавших на Западе кальвинистов. Венгры получили бы в отстаивании своих интересов в лице этих реформатских общин дополнительного надежного союзника.

Однако благодаря новой организационной структуре, сформированной ранее и действовавшей еще в союзном нацистской Германии Словацком государстве, власти ЧСР получили уникальную возможность рассчитывать на словакизацию религиозной жизни кальвинистов через руководство самой церкви.

Уже 24 мая 1945 г. Организационный комитет определил порядок функционирования церкви в новых условиях. Предусматривалось создание 9 сеньоратов, причем из них трех словацких. Из венгерского Гемерского сеньората также в дальнейшем могли выделить еще один словацкий сеньорат. Общины приписывались к ним в административном порядке, какие-либо отклонения от принятой Оргкомитетом структуры допускались только в исключительных случаях и могли быть произведены только его председателем. Во главе всех сеньоратов могли быть только владеющие устно и письменно словацким языком лица. Все делопроизводство во взаимоотношениях Оргкомитета как с сеньоратами, так и с отдельными пасторами переводилось на словацкий язык¹².

Как констатировал Оргкомитет, на освобожденной территории Словакии имелось много словацких общин, однако служба в них проводилась на венгерском языке. Этим объяснялось решение Комитета о переводе венгерских пасторов в чисто венгерские общины и назначение на их место служителей Реформатской церкви, которые владели словацким языком. Желающие получить новое назначение должны были иметь чехословацкое гражданство, а также соответствующее образование и опыт. Несогласных с этим распоряжением ждало дисциплинарное взыскание и немедленное отстранение от службы¹³.

11 Pešek J. Slovensko-maďarské spory... S. 185.

12 Szabó A. A Szlovákiai Református Keresztyén Egyház története – I. rész // Regio – Kisebbségtudományi Szemle. 1. évf. 3.sz. (1990. július). 139–141. old. A Csehszlovákiai Egyet. Ref. Egyház szervező bizottságának szabályrendeletei.

13 Ibid. 141–142. old. Szabályrendelet a parochus-lelkészek áthelyezéséről.

Все церковные должности, которые ранее занимали служители, добровольно или по распоряжению чехословацких властей покинувшие территорию страны, считались вакантными. Они не могли быть замещены пасторами, которые решили бы вернуться в Чехословакию. Руководство церкви могло отстранить от службы любого из представителей своего духовенства в связи с деятельностью, приносящей ущерб интересам чехословацкого государства. Если кто-либо из них, будучи снятым со своего поста из-за такой провенгерской позиции, не желал покидать его добровольно, то церковные власти допускали, что данное их решение будет реализовано при помощи соответствующих государственных органов¹⁴.

Особое внимание Организационный комитет уделил языковому вопросу. Поскольку, как было сказано ранее, все делопроизводство в отношениях между Оргкомитетом и сеньоратами, а также между ним, сеньоратами и отдельными пасторами переводилось на словацкий язык, то предполагалось административными мерами обеспечить изучение представителями духовенства государственного языка. Принятая Оргкомитетом нормативная база содержала положение о том, что все пасторы и пасторы-адъюнкты должны владеть государственным языком. На его изучение отводилось три года для служителей старшего возраста и два года для молодых пасторов и пасторов-адъюнктов. По истечении данного срока не овладевшие в должной мере государственным языком могли быть уволены. Важно также то, что контроль за исполнением данного положения поручался комиссии, состоявшей не только из представителей церкви, но и из светских чиновников, которых в том числе мог делегировать Словацкий национальный совет¹⁵.

Несмотря на достаточную оперативность принятия Оргкомитетом данных управленческих решений, их реальное воплощение в жизнь объективно не могло быть произведено быстро, требовалось преодолеть различные трудности на местах. Сказывалась и общая разруха послевоенного времени, когда имевшиеся скромные ресурсы церкви необходимо было направить на восстановление основ пострадавшей инфраструктуры, в которой первично нуждались верующие. Описывая ситуацию в сеньорате Барш, исследователь А. Сабо приводит многочисленные примеры разрушения кальвинистских храмов.

14 Ibid. 142–143. old. Szabályrendelet namely lelkészi állások megüresedettnek nyilvání tásáról.

15 Ibid. 143. old. Szabályrendelet az államnyelv elsajátításáról.

Часть церквей взорвала отступающая немецкая армия, другие пострадали непосредственно в результате боевых действий¹⁶. Чувствовался и кадровый голод. В том же сеньорате Барш самым крупным недостатком в работе его руководителя П. Чегледи, хотя пастора и высоко ценили в своей среде, стало незнание им словацкого языка¹⁷. Ведь теперь духовенство должно было не только обладать авторитетом среди своей паствы, но и быть более мощно поддержано гражданскими властями – поскольку в условиях столь существенных разрушений и бедственного положения нормализовать деятельность общин без диалога с чехословацкой администрацией и определенной помощи со стороны государства было бы трудно.

Это во многом объясняет, что в данном сеньорате майские распоряжения Оргкомитета стали реализоваться только во второй половине июля 1945 г., когда новый руководитель сеньората пастор Я. Сирмаи 16 июля 1945 г. обратился к своим собратьям с посланием. В нем он предлагал не отказываться от майских директив, мотивируя это сложившейся ситуацией, видя в их исполнении пользу для сеньората: «Мы ходим среди руин! Мы должны строить!»¹⁸

Кроме приведения чисто практических доводов, свою новую политику руководство церкви объясняло и в идейном ключе. Церковные власти опирались на определенную систему аргументации. В качестве интересного для того времени примера обоснования своей позиции можно указать на одно из обращений духовенства и церковных работников к верующим¹⁹. Среди изложенных в нем тезисов, подтверждавших правоту выбранной линии, были как чисто церковные, так и носящие более светский характер. Ко вторым можно отнести необходимость создания свободной народно-демократической Чехословацкой Республики, в которой верующие будут патриотами, верными Чехословакии гражданами, достойными членами семьи народов мира, где словацкий патриотизм являл бы пример чехословацкой взаимности, славянского самосознания и всечеловеческого братства. Парадоксальным образом такого типа тезисы, реализация которых

16 Ibid. 137. old.

17 Ibid.

18 Ibid. 139. old. A barsi ref. egyházmegye esperesi hivatala. 5/1945. sz. Körlevél. Kelt, 1945. júl. 16.

19 Fórum Kisebbségkutató Intézet levéltára (далее – FKIL). Somorjai Református Egyház (далее – SRE). 15. d. (1945–1947). 10/89. cs. 16 – 17. t. Ohlas porady duchovných a svetských pracovníkov ref. cirkvi na Slovensku k veriacim a k slovenskému narodu, 26. júla 1945 r.

на практике вела к перестройке национального характера церкви в сторону одной национальной культуры (словацкой) в ущерб другой (венгерской), обосновывались уже исходя из чисто религиозной аргументации равенства представителей всех народов перед Богом и необходимости миссии среди тех, кто был менее затронут влиянием вероучения кальвинистов, то есть большинства словаков.

Такая декларация патриотизма, понимаемого как преданность чехословацкому государству, а не только чешскому и словацкому народам, допускала инкорпорацию словацких венгров в выстраиваемую новую систему общественных отношений, и, следовательно, церковь считала необходимым заботиться также о своих членах венгерской национальности – тех из них, кому государственные власти позволяют остаться на территории республики. Почему венграм Словакии нужно было принять данные условия, то есть систему государственных ценностей, основанную на доминирующем учете интересов титульных наций, становится ясно, если учесть отсылку авторов послания к Пс. 127:1 («*Если Господь не созиждет дома, напрасно трудятся строящие его; если Господь не охранит города, напрасно бодрствует страж*»)²⁰. Отсюда и убежденность, что именно так «наша Реформатская церковь наиболее полно исполнит заповедь Христову, послужит народу, государству, славянству и человечеству»²¹. Ведь она независимо от национальности своих верующих воспитывает в них в первую очередь сыновье чувство послушания Богу²².

В этом контексте вполне логичны и обоснованы следующие призывы: действовать исходя из Слова Божиего, воли народа, программы правительства, с соблюдением действующих законов, исторически сложившейся автономии церкви²³. Для кальвинистского мировосприятия, с его подчеркиванием предопределения Божия, сам результат человеческой деятельности мог свидетельствовать о воле Господа, поскольку все труды без его благословения тщетны. Поэтому и поражение Венгрии в войне вполне можно оценивать как провал не только государства, но и системы ценностей, за которые боролась Германия со своими союзниками (соответственно, в послании чехословацкая взаимность, славянское самосознание, всечеловеческое братство и т. д. оцениваются позитивно).

20 В принятой в русской православной традиции Библии – *Пс. 126:1*.

21 FKIL. SRE. 15. d. (1945–1947). 10/89. cs. 16–17. t. Ohlas porady...

22 Ibid.

23 Ibid.

Как и в случае с сеньоратом Барш, учитывая необходимость обеспечить руководство сеньоратов подходившими для новых условий кадрами, Оргкомитет во главе них стремился поставить пасторов, владевших словацким языком и являвшихся гражданами Чехословакии. Во главе Комарнянского сеньората, в который входила и Братислава, был назначен пастор Б. Сабо²⁴. Это был деятельный лидер, служивший в 1939–1948-х гг. в братиславской общине кальвинистов. Характеризовать его может, например, факт, что еще в период Словакской республики, взаимодействуя с Министерством образования и Торговой палатой, он смог организовать вечернюю школу – «Профессиональные курсы торговли»²⁵. Такой опыт был важен не только в контексте продолжения межвоенных традиций помощи со стороны братиславской общины студентам-кальвинистам, но свидетельствовал также о способностях пастора успешно взаимодействовать с властями в государстве, ориентированном на поддержку в первую очередь социальных институтов титульной национальности.

В качестве первого административного лица в сеньорате Б. Сабо, естественно, проводил обозначенную выше линию Оргкомитета. Как свидетельствуют архивные документы реформатской общины г. Шаморин, он выступил с письменным обращением к пасторам сеньората, где в сжатой форме доводил до них майские директивы Оргкомитета. Мотивируя адресатов подчиниться выдвигаемым требованиям, он подчеркивал, что в сложившейся ситуации своей враждебностью и неуступчивостью они нанесут непоправимый ущерб церкви, семьям и самим себе. С точки зрения нового главы сеньората, если у таких представителей духовенства возникнут проблемы во взаимодействии как с Оргкомитетом, так и с представителями власти, то ответственными за это будут они сами, поскольку не проявили мудрость и послушание. Он же со своей стороны будет стараться действовать в интересах всей церкви и конкретных настоителей, при условии, что в данной тяжелой ситуации они окажут ему поддержку²⁶.

Содержание рассматриваемого обращения подтверждает, что такой подход Б. Сабо не был только проявлением давления сверху, прикрытым обычной в таких случаях риторикой. С одной стороны,

24 Szabó A. A Szlovákiai Református Keresztyén Egyház... 144. old. Szabályrendelet adminisztrátorok megbízásáról Csehszlovákia területén levő ref. Egyházmegyék vezetésére.

25 Peres I. A pozsonyi református gyülekezet története. Bratislava – Pozsony, 2004. 5. old.

26 FKIL. SRE. 15. d. (1945–1947). 11/89. cs., 48. t. List poverenca Komářňanského ref. Seniorátu B. Szabó Ref. farskému úradu v Šamoríne, [1945 г.].

он довел до сведения подчиненных ему приходов болезненную для многих информацию о требовании вести делопроизводство на словацком языке и в дальнейшем сдать по нему экзамен, сообщил про необходимость каждому фактически заново ходатайствовать о своей уже занимаемой должности, причем при этом предоставить целый пакет документов, в первую очередь подтверждавших чехословацкое гражданство и политическую благонадежность, информировал о создании в Братиславской, Нитранской и Зволенской областях словацких миссионерских общин. С другой – установил нормы денежного вознаграждения духовенства, просил как можно скорее сообщить о причиненном в результате войны ущербе²⁷.

Приступая к исполнению своих обязанностей, пастор мог рассчитывать на 75–100 крон ежемесячно за административную работу, за богослужения – 50–100 крон, при этом за служение Вечери Господней – 75–100 крон, за катехизацию – 20 крон в час, за совершение крещения, венчания, погребения – 40–100 крон и т. д.²⁸ Сравнивая примерный доход администратора кальвинистской общины с минимально установленной словацкими властями в марте 1945 г. зарплатой (7–12 крон в час²⁹) и ценами того времени (например, за 320–350 крон можно было снять отдельную комнату, за 66 крон купить 1 м³ древесины на отопление, за 9 крон пообедать в заводской столовой³⁰), видно, что новое руководство Кальвинистской церкви с самого начала стремилось не допустить обнищания настоителей общин. Регулирование зарплаты и пожертвований в условиях часто бедственного положения населения создавало правовую базу для достаточного финансирования их деятельности.

Оргкомитету также удалось договориться с властями о содержании для духовенства. Условием его было перемещение венгерских пасторов на словацкие приходы³¹. Сохранение постоянных выплат от государства для части из них можно расценивать как относительный успех, платой за который была полная лояльность его политике.

27 Ibid.

28 Ibid.

29 Barnovský M. Sociálne triedy a revolučné premeny na Slovensku v rokoch 1944–1948. Bratislava, 1978. S. 38.

30 Šustek Z. Hospodárenie mladej Bratislavčanky v rokoch 1944–1949: príjmy, výdavky, ceny, štruktúra spotreby a stratégia zaobchádzania s peniazmi – prípadová štúdia // Numizmatika. 2014, 24 Supplementum. S. 62.

31 Šutaj Š. Problémy vo vzťahu československého štátu a protestantských cirkví po roku 1945 (menšinová politika a cirkvi) // Annales historici Prešoviensis. Anno 2005. Prešov, 2005. S. 226–227.

В то же время было заметно старание смягчить неизбежные затруднения, возникавшие на пути реализации нового курса по ускоренной словакизации. По крайней мере, об этом говорит характер исходящих директивных документов по Комарнянскому сеньорату. Знание реальной ситуации с уровнем владения словацким языком у большинства пасторов, по-видимому, мотивировало Б. Сабо не высылать написанные на государственном языке все директивы Оргкомитета целиком, а подготовить на их основе свое более краткое обращение. В пользу данного тезиса свидетельствует то, что некоторые слова в нем продублированы различными синонимами. Это было не лишним, так как местами в данном документе, поступившем в Шаморинский приход, над словацким текстом имеются карандашные пометы с переводом на венгерский язык³². Естественно, что проблема понимания венграми неродного им языка этим не снималась. В дальнейшем большинство сообщений от руководителя сеньората в Шаморин уже были на венгерском языке.

Возникшее резкое сужение критерииев, определявших минимальные требования к духовенству, вело к кадровому голоду. Это не могло не скорректировать политику церковной администрации. Когда возникла необходимость в достаточно короткий срок предоставить документы о принесении присяги в присутствии представителей Районного национального комитета, то не все пасторы могли быть к ней допущены, так как для принесения присяги было необходимо иметь (подтвердить) чехословацкое гражданство.

Для представителей венгерского национального меньшинства наличие гражданства страны своего постоянного проживания, естественно, было базовым условием для нормальной жизни. Сделав ставку на дискриминационную антивенгерскую политику, ведущие политические силы договорились лишить всех венгров гражданства (за исключением активных участников антифашистского движения). Согласно Кошицкой программе правительства предполагалось, что антифашистами будут считаться те из венгров, кто еще до войны боролся против венгерских ирредентистских партий, преследовался венгерской государственной властью, был заключенным или участвовал в борьбе за освобождение ЧСР в эмиграции³³. Соответственно,

---

32 FKIL. SRE. 15. d. (1945–1947). 11/89. cs., 48. t. List poverenca...

33 Cestou Května: dokumenty k počátkům naší národní a demokratické revoluce: duben 1945 – květen 1946 / sest. J. Soukup. Praha, 1975. S. 37–38. Program nové československé vlády Národní fronty Čechů a Slováků, 5. dubna 1945.

у абсолютного большинства словацких венгров чехословакское гражданство автоматически аннулировалось. У них оставалась лишь возможность заново ходатайствовать о получении гражданства Чехословакии. Однако принятая официально в апреле 1945 г. программа правительства была актом политическим, четкие правовые механизмы ее реализации складывались постепенно и в первые летние месяцы 1945 г. еще не были ясно сформулированы в законодательстве.

В этих условиях правового вакуума руководству церкви было выгодно так или иначе легализовать в глазах властей, хотя бы и на местном уровне Районного комитета, свое духовенство венгерской национальности, что создало бы предпосылки для нормализации их статуса в дальнейшем. Об этом свидетельствует и сам текст присяги, который содержал обязательства быть верным Чехословакской республике и Словацкому национальному совету, подчиняться правительству, соблюдать все принятые ими законы и распоряжения, каждым своим действием стараться принести пользу Чехословакии³⁴. В Комарнянском сенаторате распоряжение Оргкомитета принять присягу было направлено по приходам 3 августа 1945 г.; данную процедуру необходимо было пройти до 22/25 августа в приходской канцелярии в Комарне или в Братиславе³⁵. Однако 2 августа был принят Декрет президента ЧСР о наведении порядка в вопросе чехословакского гражданства лиц немецкой и венгерской национальностей, который был опубликован и вступил в силу только 10 августа³⁶. А уже 14 августа последовало новое указание церковных властей отложить принятие присяги духовенством до нормализации ситуации с гражданством³⁷.

Декрет президента о гражданстве начинается имеющей определенную правовую логику нормой об утрате гражданства ЧСР лицами, которые ранее получили немецкое или венгерское гражданство (§ 1, п. 1). Тем не менее волонтистский в правовом плане и дискриминационный характер этого акта вскрывается уже в следующем пункте. Там было определено, что свое гражданство также теряли и все граждане Чехословакии немецкой и венгерской национальностей (по факту из-за признания за ними коллективной ответственности).

34 FKIL. SRE. 15. d. (1945–1947). 10/89. cs. 16–17. t. Slúžobná prísaha. Zápisnica.

35 FKIL. SRE. 15. d. (1945–1947). 11/89. cs. 48. t. Obežník reformovaným farským úradom Komárňanského ref. Seniorátu, 3. augusta 1945.

36 Němci a Maďaři v dekretech prezidenta republiky. Studie a dokumenty 1940–1945 / uspořádal K. Jech. Brno, 2003. S. 314, 316.

37 FKIL. SRE. 15. d. (1945–1947). 10/89. cs. 16–17. t. Obežník reformovaným farským úradom Komárňanského ref. Seniorátu, 14. augusta 1945.

Исключение делалось только для активных антифашистов³⁸. Несмотря на это, декрет был принят к исполнению.

Например, настоятель Шаморинского кальвинистского прихода Арпад Парайш, по-видимому, еще в декабре 1946 г. имел не урегулированный в вопросе гражданства статус³⁹. Это было достаточно типично. По данным на 1952 г., 145 818 венгров стало гражданами ЧСР по закону от 25 октября 1948 г. о гражданстве лиц венгерской национальности⁴⁰. Соответственно, до его принятия их положение оставалось неопределенным. К ним стоит добавить перемещенных в Венгрию бывших граждан ЧСР (в первую очередь это около 90 тыс. переехавших по венгеро-чехословацкому договору об обмене населением от 1946 г.⁴¹). Однако, находясь даже в такой нестабильной ситуации, настоятель прихода мог вести продуктивный диалог с властью по важным для общины вопросам, особенно проблемам, связанным с оказанием помощи.

Показательным является пример с просьбой кальвинистской и лютеранской церквей в Шаморине к местной администрации о дотации. 24 мая 1946 г. они выступили с ходатайством о выплате и индексации субсидии. Дело в том, что в 1938 г. кальвинистский приход получал 2800 крон. Когда Шаморин вновь оказался на территории Венгрии, была произведена конвертация данной суммы в 400 пенгё. В 1942 г. ее повысили до 800 пенгё (стоит подчеркнуть, что, с точки зрения чехословацких властей, повышение было произведено оккупационным режимом). 3 марта 1946 г. управлявшая Шаморином Комиссия приняла решение произвести выплату церкви, рассчитав ее с 1 мая 1945 г. по установленной в 1938 г. ставке. В майском же обращении приход просил перечислить средства и на 1946 г., причем со 100% надбавкой (по факту признать произведенное венгерскими

38 Němci a Maďaři v dekretech... S. 314. Ústavní dekret presidenta republiky č. 33/1945 Sb., o úpravě československého státního občanství osob národnosti německé a maďarské, 2. srpna 1945.

39 FKIL. SRE. 15. d. (1945–1947). 10/89. cs. 16–17. t. Salamon Ferenc levele Parais Árpádhoz, 1946. december 2.

40 Šutaj Š., Olejník M., Gabzdilová-Olejníková S. Nemci a Maďari na Slovensku v rokoch 1945–1953 v dokumentoch. I. Prešov, 2005. S. 14.

41 Венгерское национальное меньшинство в Чехословакии в контексте межгосударственных отношений. Документы и материалы. 1944–1951 гг. / сост. Г. П. Мурашко, С. М. Слоистов. М., 2017. С. 349. Справка Н. Г. Новикова заведующему 4-м Европейским отделом МИД СССР С. П. Кирсанову о положении венгерского национального меньшинства, 25 ноября 1949 г.

органами двукратное увеличение)⁴². Комиссия сначала отклонила данную просьбу, мотивировав такое решение необходимостью дождаться окончания процедуры проверки духовенства (7 июня). Однако уже через неделю оперативно отменила его, полностью поддержав прошение общины. Перемена позиции Комиссии аргументировалась формальным уточнением, что средства получал не пастор, а лишь приход, представителем которого он был. 17 июня 1946 г. секретарем Комиссии была подготовлена выписка об этом постановлении для кассира г. Шаморина и канцелярии кальвинистского прихода⁴³.

Другие архивные материалы о контактах шаморинского прихода с различными организациями и органами власти также свидетельствуют, что в данный период община как церковная институция в целом, хотя и была венгерской в этнонациональном плане, не была активно дискриминируема. Государство вмешивалось как регулятор в те ее функции, которые уже ранее, в процессе секуляризации, стали частично или полностью переходить в сферу ответственности его чиновников. Здесь не могла не присутствовать и общая линия на словакизацию и ущемление прав венгров. В первую очередь речь идет о записи актов гражданского состояния. Так, 14 октября 1946 г. в канцелярию прихода из исполняющей функции местной власти Комиссии поступило указание принять к исполнению распоряжение Уполномоченного внутренних дел от 20 марта 1946 г.⁴⁴ В нем разъяснялись особенности заключения брака между лицом словацкой или другой славянской национальности и представителем немецкого или венгерского меньшинства. Если имелись подозрения о том, что целью данного союза было стремление избежать последствий дискриминационных законов, то разрешение на него давать запрещалось⁴⁵.

Определенная двойственность политики властей по отношению к кальвинистам проявлялась по-разному. Дискриминируя венгерское население, государство одновременно допускало содействие организации церковью помощи для оказавшихся в трудной ситуации венгров. Так, в ноябре 1946 г. Венгерский комитет помощи в Словакии

42 FKIL. SRE. 15. d. (1945–1947). 10/89. cs. 16–17. t. Žiadosť v mene protestantské cirkve v Šamoríne na Obecný Národný Výbor v Šamoríne, 24. mája 1946 r.

43 FKIL. SRE. 15. d. (1945–1947). 10/89. cs. 16–17. t. Výpis zo zápisnice, spísanej o schôdzke Miestnej správnej komisie v Šamoríne konanej dňa 14. júna 1946 r., 17. júna 1946 r.

44 FKIL. SRE. 15. d. (1945–1947). 10/89. cs. 16–17. t. Nariadenie Úradu Miestnej správnej komisie v Šamoríne pre Kalvinský farský úrad v Šamoríne, 14. októbra 1946 r.

45 FKIL. SRE. 15. d. (1945–1947). 10/89. cs. 16–17. t. Odpis výnosu Povereníctva vnútra zo dňa 20. marca 1946 r., 14. októbra 1946 r.

начал предрождественскую акцию в поддержку нуждавшихся соотечественников. Сбор средств проводился через канцелярию Реформатской церкви в Братиславе⁴⁶.

Приведенные примеры важны не только как свидетельства дифференцированного подхода в проведении антивенгерских мер на практике, когда при определенных условиях их удавалось смягчать благодаря активности Реформатской церкви (институции, традиционно воспринимаемой как венгерской), но и как факты из социальной истории словацких венгров в тот период времени, позволяющие более полно понять весь контекст эпохи социально-политических преобразований и то место, которое отводилось в них представителям венгерского меньшинства.

Общий контекст церковно-государственных отношений в первые годы после окончания Второй мировой войны и Реформатская церковь

Для понимания положения венгров-кальвинистов необходимо рассмотреть динамику взаимодействия власти со всеми верующими, при этом постараться выявить специфику условий существования конфессиональных меньшинств в стране. Общие рамки развития позиции власти по отношению к кальвинистам на юге Словакии были заданы совокупностью факторов. В первую очередь требуется обратить внимание на влияние одной из главных тем в политической повестке того времени – нараставшего противоречия между доминировавшими в руководстве страны левыми силами и сторонниками правых, традиционно имевших сильные позиции среди представителей Римско-католической церкви. Этот конфликт определял политику государства по более локальным вопросам в сфере религии, в частности отношения государства с другими христианскими конфессиями (также и Реформатской церковью). Затем следует попытаться этот общий контекст диалога государства и верующих соотнести с параллельной политикой Чехословакии по отношению к венграм.

В рассматриваемый нами период религия и деятельность религиозных организаций наряду с другими факторами играла в жизни вступившего на путь перемен чехословацкого общества определяющую роль. С одной стороны, они традиционно определяли мировоззрение и глубинные основы культуры народов Чехословакии, что неминуемо сказывалось на развитии наиболее популярных политических концепций

46 FKIL. SRE. 15. d. (1945–1947). 10/89. cs. 16–17. t. A Szlovákiai Magyar Segélybizottsága felhívás, 1946 november.

и текущей политической ситуации в стране. С другой, один из самых актуальных вопросов того времени – национальный – часто был тесно увязан с вопросом религиозным. Под этим углом зрения деятельность религиозных организаций привлекала особое внимание политиков Чехословакии, независимо от их личного религиозного выбора. Причем, как правило, в политической практике доминировал инструментальный подход, когда собственно установки и ценности религиозных сообществ отходили на второй план. Проиллюстрировать это можно разговором президента ЧСР Э. Бенеша с председателем Совета по делам РПЦ при Совмине СССР Г. Г. Карповым 17 июня 1946 г., во время которого чехословацкий лидер отметил: «Советское правительство правильно и лучше всех разрешило церковный вопрос. А церковный вопрос есть почти национальный вопрос, и Вы, г-н Карпов, умело осуществляете большое государственное дело»⁴⁷.

В Чешских землях тенденция на секуляризацию общественной жизни, воспринимавшаяся многими в межвоенный период как продолжение эмансиpации чешского народа, была продолжена и после изгнания немецких оккупантов в 1945 г. Правда, Католическая церковь, существенно пострадавшая в период Протектората Богемии и Моравии, продолжала пользоваться авторитетом у значительной части чешского общества. Оттеснение ее на периферию общественной жизни происходило не столько в результате конструктивной полемики, сколько под воздействием прямого государственного давления, когда у Церкви отбиралась возможность активно участвовать в системе образования, изымались ее экономические активы, участие верующих в крупных церковных мероприятиях искусственно противопоставлялось акциям по восстановлению хозяйственной жизни страны.

Антикатолическая направленность секуляризационных процессов открывала потенциальные возможности для тактического союза воевавших против религии как таковой и выступавших скорее с анти-клерикальных позиций, то есть сторонников более демократичных и национальных форм религиозной жизни. В результате Католическая церковь вынуждена была противостоять широкому фронту своих оппонентов, стремившихся политически изолировать католиков. К сторонникам единства с Римом предъявлялись различные исторические

⁴⁷ Власть и церковь в Восточной Европе. 1944–1953. Документы российских архивов: в 2 т. / сост.: Т. В. Волокитина, Г. П. Мурашко, А. Ф. Носкова. Т. 1. 1944–1948. М., 2009. С. 290–291. Записи сотрудника Совета по делам РПЦ Н. И. Блинова о пребывании Г. Г. Карпова в Чехословакии (10–24 июня 1946 г.).

претензии, одновременно поддерживались представители различных чешских национальных религиозных объединений.

В качестве ответной реакции крупнейшая в стране религиозная организация должна была действовать в этой борьбе сразу на двух стратегических направлениях. Во-первых, стараться не допустить какого-либо разъединения среди католиков в стране, чтобы исторически сложившиеся территориальные особенности функционирования Церкви – различные в Чешских землях и Словакии – не стали основой для ослабления католицизма в целом. Во-вторых, пытаться уменьшить последствия церковных расколов и отток верующих в другие, отделившиеся от Католической церкви конфессии⁴⁸.

В этом противостоянии особое место отводилось церковно-государственной политике в Словакии. Левые силы фактически использовали риторику против словацкого католицизма для разобщения прокатолических сил в стране. Удар по сторонникам политического католицизма в Словакии увязывался с борьбой против словацкого сепаратизма, что сковывало маневр чешских католиков. Опасность же взаимодействия чешских и словацких правых на почве общей католической идеологической платформы крайне тревожила Компартию. О беспокойстве коммунистов по поводу возможности такого союза свидетельствует полемика в чешской печати⁴⁹.

Левые активно эксплуатировали в своей пропагандистской кампании неоднозначное положение Церкви в союзническом с нацистской Германией независимом Словацком государстве. Факт использования его руководством идеологии политического католицизма отрывал возможность представить борьбу против участвующих в политике католиков как ликвидацию остатков прежних реакционных политических сил при полном сохранении свободы вероисповедания.

На первом этапе противостояния соперничавшей со словацкими левыми Демократической партии по-своему удалось использовать традиционную антикатолическую направленность политики КПС. Демпартия выиграла выборы 1946 г. При этом поражение словацкой

48 В Чешских землях в 1930 г. к Католической церкви латинского обряда принадлежало 8 378 119 чел., к образованной в результате отделения от Католической церкви в 1920 г. Чехословацкой церкви – 779 672 чел., к созданной в процессе объединения чешских лютеран и кальвинистов в 1918 г. Чешскобратской церкви – 290 994 чел. (Sčítání lidu v Republice československé ze dne 1. prosince 1930. Praha, 1934. Díl I. Tab. 11. S. 100).

49 Vaško V. Dům na skále. Církev zkoušená (1945 – začátek 1950). Kostelní Vydří, 2004. Díl 1. S. 28.

компартии сильно обострило политическую обстановку в Словакии. В 1947 г., когда реально пытавшаяся представлять чаяния большинства населения Словакии, то есть и католиков, Демпартия даже в символическом вопросе о помиловании Й. Тисо потерпела поражение, ситуация могла начать развиваться по дестабилизирующей траектории. Однако использовавшийся с целью сгладить процесс поляризации общества в Чешских землях прием поддержки некатолических конфессий не мог быть в полной мере реализован в словацких условиях. Вторая после католиков конфессия – Лютеранская церковь – хотя традиционно и имела большой авторитет в словацком обществе, в том числе среди политической и культурной элиты Словакии, однако была сильно связана с Демпартией. Среди распространенных на востоке страны грекокатоликов и православных доминировало восточнославянское население. Обладающая же значительным влиянием на юге и юго-востоке страны Реформатская церковь была также неоднородна по этнонациональному составу своих членов.

В то же время Реформатская церковь являлась достаточно укоренившимся в части регионов Словакии социокультурным институтом и при условии усиления в ней словацкого культурного компонента, ведущего к ее большему восприятию остальными гражданами в качестве одной из традиционных и лояльных чехословацкому государству христианских конфессий, объективно становилась потенциальным партнером для сил, выстраивающих политику сдерживания католицизма. Для центральной власти, которая тогда в качестве государствообразующих народов видела исключительно чехов и словаков, было выгодно укрепление в кальвинистской среде словацкого начала. Причем такой позиции придерживались как на уровне Братиславы, так и Праги.

Одновременно, в плане практической церковной политики, пражский центр был склонен поддерживать идею об объединении всех евангелических церквей Чехословакии. Тем более что подобные проекты существовали и ранее, только теперь основой этой новой конфессии должны были стать отечественные, с точки зрения сторонников Чехословакии, традиции реформации.

Проведенный в 1918 г. эксперимент по объединению чешских лютеран и кальвинистов в единую Чешскобратскую церковь уже доказал свою жизнеспособность. Возникало естественное желание его расширить. Так, 18 мая 1945 г. Силезский национальный совет в Остраве издал распоряжение, по которому вся собственность лютеранских общин в чехословацкой части Силезии переходила под контроль Чешскобратской церкви. Все лютеранские общины на данной

территории также должны были подчиниться чешско-братскому пастору А. Винклеру. Историк Й. Шимечек полагает, что скорее всего такой проект решения вопроса лютеран Силезии (а в национальной политике центра – вопроса чехословацких поляков-лютеран) не исходил напрямую от руководства Чешско-братской церкви, а был инициирован политиками национально-социалистической партии⁵⁰.

Идеи объединения затронули и кальвинистов в Словакии. Руководство Реформатской церкви серьезно рассматривало вопрос включения своих общин в единую церковь при условии сохранения определенной автономии. В частности, этот вопрос должен был дебатироваться в декабре 1945 г. в общинах Комарнянского сеньората. Примечательно также то, что указание начать данное обсуждение на приходах церковные власти увязывали с пожеланиями президента Э. Бенеша⁵¹. Эти планы в Словакии, так же как и объединительные тенденции в Чешских землях, имели уже определенную предысторию. В 1921 г. кальвинистский пастор Михай Петер, обсуждая требования чехословацкого государства к реформатам, в том числе критиковал идею присоединения словацких кальвинистских общин на Земплине к Чешско-братской церкви, так как духовенство данной церкви, по его мнению, не смогло бы приспособиться к земплинскому диалекту верующих, чем бы был нарушен важный принцип реформации – проповедовать на понятном для верующих языке⁵². Кальвинисты-словаки в начале 1930-х среди своих требований поднимали и вопрос о возможности неограниченных контактов с другими протестантскими конфессиями⁵³. В этом плане важно и то, что, по данным венгерского МИДа, в 1947 г., когда чехословацкие власти активно принудительно перемещали венгерское население в Чешские земли, Чешско-братская церковь была там открыта к принятию венгров-протестантов в свои общины⁵⁴. Как видим, все

50 *Szymeczek J. Augsburski Kościół Ewangelicki w czechosłowackiej części Śląska Cieszyńskiego w latach 1945–1950. Cieszyn*, 2008. S. 43–44.

51 FKIL. SRE. 15. d. (1945–1947). 10/89. cs. 16–17. t. A komáromi egyházmegye mb. esperesi adminisztrátorától. 8. sz. körlevél. 1945.XII.1.

52 *Búza Zs. Slovensko-maďarské vzťahy v Reformovanej kresťanskej cirkvi na Slovensku v rokoch 1918–1952 // Jednota v mnohosti: Zborník z Teologickej konferencie mladých vedeckých pracovníkov / zost.: A. Biela, R. Schön, J. Badura. Bratislava*, 2012. S. 303.

53 *Svátková I. Reformovaná cirkev...* S. 151.

54 Венгерское национальное меньшинство... С. 242. Вербальная нота МИД Венгрии по поводу депортации венгерского населения из Словакии, направленная правительству СССР через советскую миссию в Венгрии, 19 февраля 1947 г. (Интересующие нас сведения в ноте приводятся по данным протестантской печати.)

эти факты свидетельствуют о реальности рассмотрения кальвинистов как одного из важных элементов политики по усилению сплоченности чехословацкого протестантизма, который был традиционной альтернативой католицизму.

Обострение противостояния входивших в Социалистический блок партий с Католической церковью объективно усиливало благоприятные для ускорения процессов словакизации в Реформатской церкви условия. Кроме чисто этнонационального мотива проводить государственную политику в этом направлении, новое значение приобретал и фактор антикатолической деятельности сторонников широкой коалиции левых сил, которые тогда занимали различные должности в системе государственного управления, в том числе и высшие. Причем если для нейтральной в отношении католицизма власти теоретически была приемлема форма словакизации посредством уменьшения общего количества кальвинистов за счет верующих венгерской национальности, то объективно для антикатоликов наиболее благоприятным было сохранить сравнительно большую численность реформатской конфессии и, следовательно, ее статус в стране. По этой же причине для них было выгодно способствовать сохранению единства Реформатской церкви. Образование двух противоборствующих между собой на этнонациональной почве структур при благоприятных условиях возможно и усилило бы словацкую организацию кальвинистов (при ее поддержке со стороны государства в неизбежном конфликте с единоверцами-венграми), но одновременно ослабило бы позиции кальвинизма в стране в целом, что также не отвечало интересам антикатоликов.

В этом плане антикатолицизм левых задавал определенные рамки в целом прословацкой государственной политике в отношении кальвинистов, фактически способствовал тому, что так называемая ресловакизация становилась наиболее приемлемой тактикой по повышению роли словаков в Реформатской церкви. Другими словами, исходя из таких предпосылок, антикатоликам необходимо было создать ситуацию, при которой венгры не просто бы потеряли свои позиции в среде кальвинистов Словакии, но, наоборот, сохранили бы их, но при этом поменяли бы свою этнонациональную идентичность, стали бы считать себя словаками (или, с точки зрения сторонников единства чешского и словацкого народов, чехословаками).

Такой формат словакизации Реформатской церкви в Словакии был выгоден для придерживавшихся левой ориентации ведущих политических сил в стране.

Источники и литература

Fórum Kisebbségkutató Intézet levéltára (FKIL).

Венгерское национальное меньшинство в Чехословакии в контексте межгосударственных отношений. Документы и материалы. 1944–1951 гг. / сост. Г. П. Мурашко, С. М. Слоистов. М.: РОССПЭН, 2017. 464 с.

Власть и церковь в Восточной Европе. 1944–1953. Документы российских архивов: в 2 т. / сост.: Т. В. Волокитина, Г. П. Мурашко, А. Ф. Носкова. Т. 1. 1944–1948. М.: РОССПЭН, 2009. 888 с.

Волокитина Т. В., Мурашко Г. П., Носкова А. Ф. Москва и Восточная Европа. Власть и церковь в период общественных трансформаций 40–50-х гг. XX в.: Очерки истории. М.: РОССПЭН; Фонд Первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2008. 807 с.

Желички Б. Й. Венгрия новейших времен. Очерки политической истории 1944–1994 гг. М.: Институт славяноведения РАН, 2017. 648 с.

Желички Б. Й. Проблемы выселения венгров из Чехословакии // Национальная политика в странах формирующегося советского блока. 1944–1948 / отв. ред. В. В. Марьина. М.: Наука, 2004. С. 211–284.

Марьина В. В. Закарпатская Украина (Подкарпатская Русь) в политике Бенеша и Сталина. 1939–1945 гг. М.: Новый хронограф, 2003. 304 с.

Мурашко Г. П. Как и где решалась судьба венгерского меньшинства в Словакии после Второй мировой войны (по материалам российских архивов) // Социальные последствия войн и конфликтов XX века: историческая память / отв. ред. Е.П. Серапионова. М.; СПб.: Нестор-История, 2014. С. 243–256.

Мурашко Г. П., Слоистов С. М. К вопросу о некоторых внешнеполитических факторах, определивших послевоенную политику правящих кругов ЧСР в отношении венгерского национального меньшинства в Словакии (1944–1949) // Миграционные последствия Второй мировой войны: депортации в СССР и странах Восточной Европы. Вып. 3 / отв. ред. Н. Н. Аблажей, А. Блюм. Новосибирск: Наука, 2014. С. 196–212.

Национальная политика в странах формирующегося советского блока. 1944–1948 / отв. ред. В. В. Марьина. М.: Наука, 2004. 552 с.

Носкова Х. Венгерское меньшинство в Чехословакии и словацко – в Венгрии: решение участия // Национальная политика в странах формирующегося советского блока. 1944–1948 / отв. ред. В. В. Марьина. М.: Наука, 2004. С. 285–309.

Barnovský M. Sociálne triedy a revolučné premeny na Slovensku v rokoch 1944–1948. Bratislava: Veda, 1978. 228 s.

Búza Zs. Slovensko-maďarské vzťahy v Reformovanej kresťanskej cirkvi na Slovensku v rokoch 1918–1952 // Jednota v mnohosti: Zborník z Teologickej konferencie mladých vedeckých pracovníkov / zost.: A. Biela, R. Schön, J. Bädura. Bratislava: Evanjelická bohoslovecká fakulta Univerzity Komenského v Bratislave, 2012. S. 293–313.

Cestou Května: dokumenty k počátkům naší národní a demokratické revoluce: duben 1945 – květen 1946 / sest. J. Soukup. Praha: Svoboda, 1975. 496 s.

Československo-sovětské vztahy v diplomatických jednáních 1939–1945. Dokumenty / edd. J. Němeček, H. Nováčková aj. Díl 2 (červenec 1943 – březen 1945). Praha: Státní ústřední archiv v Praze, 1999. 664 s.

Hetényi M. Promaďarské duchovenstvo a náboženské pomery na pozadí vzťahu štátneho aparátu a maďarskej menšiny 1938–1945 // *Studia Historica Nitriensis*. 2005. R. 12. S. 109–147.

Kis B. (összeáll.). Szlovákiai magyar református vonatkozású könyvek válogatott bibliográfiája (1990–2007) // *Fórum Társadalomtudományi Szemle*. 2008. 10. évf. 2. sz. 147–158. o.

Němcí a Maďaři v dekretech prezidenta republiky. Studie a dokumenty 1940–1945 / uspořádal K. Jech. Brno: Ústav pro soudobé dějiny AV ČR; Doplněk, 2003. 688 s.

Pácha M. Možnosti výzkumu katolické církve v českých zemích v raném období komunistické diktatury // *Soudobé dějiny*. 2019. Č. 2–3. S. 350–362.

Peres I. A pozsonyi református gyülekezet története. Bratislava – Pozsony: Pozsonyi Református Keresztyén Egyház, 2004. 8. o.

Pešek J. Slovensko-maďarské spory v reformovanej kresťanskej cirkvi na Slovensku po druhé svetovej vojne // *Národ – cirkev – štát*. Bratislava: SDK SVE a CEP v spolupráci s Historickým ústavom SAV, 2007. S. 185–199.

Petranský I. Dejiny církví a náboženských spoločností na Slovensku v 20. storočí. Trnava: Univerzita sv. Cyrila a Metoda, 2017. 227 s.

Popély Á. Fél évszázad kisebbségen. Fejezetek a szlovákiai magyarság 1945 utáni történetéből. Somorja: Fórum Kisebbségtudományi Intézet, 2014. 328. o.

Sčítání lidu v Republice československé ze dne 1. prosince 1930. Praha: Státní úřad statistický, 1934. Dil I. 208 s.

Simon A. (összeáll.). A szlovákiai magyarok történetének válogatott bibliográfiája (1990–2002). Somorja; Dunaszerdahely: Fórum Kisebbségtudományi Intézet; Lilium Aurum Könyvkiadó, 2004. 194. o.

Svátková I. Reformovaná cirkev na Slovensku v rokoch 1918–1938 // *Národ – cirkev – štát*. Bratislava: SDK SVE a CEP v spolupráci s Historickým ústavom SAV, 2007. S. 144–153.

Szabó A. A Szlovákiai Református Keresztyén Egyház története – I. rész // *Regio – Kisebbségtudományi Szemle*. 1. évf. 3. sz. (1990. július). 133–162. o.

Szymeczek J. Augsburski Kościół Ewangelicki w czechosłowackiej części Śląska Cieszyńskiego w latach 1945–1950. Cieszyn: Księźnica Cieszyńska; Kongres Polaków w Republice Czeskiej, 2008. 184 s.

Šustek Z. Hospodárenie mladej Bratislavčanky v rokoch 1944–1949: príjmy, výdavky, ceny, štruktúra spotreby a stratégia zaobchádzania s peniazmi – prípadová štúdia // Numizmatika. 2014, 24 Supplementum. S. 59–72.

Šutaj Š. Problémy vo vzťahu československého štátu a protestantských cirkví po roku 1945 (menšinová politika a cirkvi) // Annales historici Prešoviens. Anno 2005. Prešov, 2005. S. 215–237.

Šutaj Š., Olejník M., Gabzdilová-Olejníková S. Nemci a Maďari na Slovensku v rokoch 1945–1953 v dokumentoch. I. Prešov: UNIVERSUM, 2005. 260 s.

Vaško V. Dům na skále. Církev zkoušená (1945 – začátek 1950). Kostelní Vydří: Karmelitánské nakladatelství, 2004. Díl 1. 256 s.

Zouhar J. Prehľad cirkevnej historiografie v Českej republike v novom tisícročí // Konštatínove listy. 2014. R. 7. S. 73–89.

References

Barnovský, M. *Sociálne triedy a revolučné premeny na Slovensku v rokoch 1944–1948*. Bratislava: Veda, 1978, 228 p.

Búza, Zs. "Slovensko-maďarské vzťahy v Reformovanej kresťanskej cirkvi na Slovensku v rokoch 1918–1952." *Jednota v mnohosti. Zborník z Teologickej konferencie mladých vedeckých pracovníkov*, zost.: A. Biela, R. Schön, J. Badura. Bratislava: Evanjelická bohoslovecká fakulta Univerzity Komenského v Bratislave, 2012, pp. 293–313.

Cestou Května: dokumenty k počátkům naší národní a demokratické revoluce: duben 1945 – květen 1946, sest. J. Soukup. Praha: Svoboda, 1975, 496 p.

Československo-sovětské vztahy v diplomatických jednáních 1939–1945. Dokumenty, edd. J. Němeček, H. Nováčková aj. Díl 2 (červenec 1943 – březen 1945). Praha: Státní ústřední archiv v Praze, 1999, 664 p.

Hetényi, M. "Promaďarské duchovenstvo a náboženské pomery na pozadí vzťahu štátneho aparátu a maďarskej menšiny 1938–1945." *Studia Historica Nitriensis*, 2005, r. 12, pp. 109–147.

Kis, B. (összeáll.). "Szlovákiai magyar református vonatkozású könyvek válogatott bibliográfiája (1990–2007)." *Fórum Társadalomtudományi Szemle*, 2008, 10. évf., 2. sz., pp. 147–158.

Mar'ina, V. V. *Zakarpatskaia Ukraina (Podkarpatskaia Rus')* v politike Benesha i Stalina. 1939–1945 gg. Moscow: Novyi khronograf, 2003, 304 p.

Murashko, G. P. "Kak i gde reshala's sud'ba vengerskogo men'shinstva v Slovakií posle Vtoroi mirovoi voiny (po materialam rossiiskikh arkhivov)." *Sotsial'nye posledstviia voin i konfliktov XX veka: istoricheskaiia pamiat'*, ed. by E. P. Serapionova. Moscow; St Petersburg: Nestor-Istoriia, 2014, pp. 243–256.

Murashko, G. P., Sloistov, S. M. "K voprosu o nekotorykh vneshnopoliticheskikh faktorakh, opredelivshikh poslevoenniu politiku praviaschikh krugov ChSR v otnoshenii vengerskogo natsional'nogo men'shinstva v Slovakkii (1944–1949)." *Migratsionnye posledstviia Vtoroi mirovoi voiny: deportatsii v SSSR i stranakh Vostochnoi Evropy*. Vol. 3, ed. by N. N. Ablazhei, A. Blum. Novosibirsk: Nauka, 2014, pp. 196–212.

Natsional'naia politika v stranakh formiruiushchegosia sovetskogo bloka. 1944–1948, ed. by V. V. Mar'ina. Moscow: Nauka, 2004, 552 p.

Němci a Maďari v dekretech prezidenta republiky. Studie a dokumenty 1940–1945, uspořádal K. Jech. Brno: Ústav pro soudobé dějiny AV ČR; Doplněk, 2003, 688 p.

Noskova, Kh. "Vengerskoe men'shinstvo v Chekhoslovakii i slovatskoe – v Vengrii: reshenie uchasti." *Natsional'naia politika v stranakh formiruiushchegosia sovetskogo bloka. 1944–1948*, ed. by V. V. Mar'ina. Moscow: Nauka, 2004, pp. 285–309.

Pácha, M. "Možnosti výzkumu katolické církve v českých zemích v raném období komunistické diktatury." *Soudobé dějiny*, 2019, No 2–3, pp. 350–362.

Peres, I. *A pozsonyi református gyülekezet története*. Bratislava – Pozsonyi Református Keresztyén Egyház, 2004, 8 p.

Pešek, J. "Slovensko-maďarské spory v reformovanej kresťanskej cirkvi na Slovensku po druhej svetovej vojne." *Národ – cirkev – štát*. Bratislava: SDK SVE a CEP v spolupráci s Historickým ústavom SAV, 2007, pp. 185–199.

Petranský, I. *Dejiny cirkví a náboženských spoločností na Slovensku v 20. storočí*. Trnava: Univerzita sv. Cyrila a Metoda, 2017, 227 p.

Popély, Á. *Fél évszázad kisebbségen. Fejezetek a szlovákiai magyarság 1945 utáni történetéből*. Somorja: Fórum Kisebbségekutató Intézet, 2014, 328 p.

Sčítání lidu v Republice československé ze dne 1. prosince 1930. Praha: Státní úřad statistický, 1934, vol. I, 208 p.

Simon, A. (összeáll.). *A szlovákiai magyarok történetének válogatott bibliográfiája (1990–2002)*. Somorja; Dunaszerdahely: Fórum Kisebbségekutató Intézet; Lilium Aurum Könyvkiadó, 2004, 194 p.

Svátková, I. "Reformovaná cirkev na Slovensku v rokoch 1918–1938." *Národ – cirkev – štát*. Bratislava: SDK SVE a CEP v spolupráci s Historickým ústavom SAV, 2007, pp. 144–153.

Szabó, A. "A Szlovákiai Református Keresztyén Egyház története – I. rész." *Regio – Kisebbségtudományi Szemle*, 1. évf. 3. sz. (1990. július), pp. 133–162.

Szymeczek, J. *Augsburski Kościół Ewangelicki w czechosłowackiej części Śląska Cieszyńskiego w latach 1945–1950*. Cieszyn: Księżnica Cieszyńska; Kongres Polaków w Republice Czeskiej, 2008, 184 p.

Sustek, Z. "Hospodárenie mladej Bratislavčanky v rokoch 1944–1949: príjmy, výdavky, ceny, štruktúra spotreby a stratégia zaobchádzania s peniazmi – prípadová štúdia." *Numizmatika*, 2014, 24 Supplementum, pp. 59–72.

Sutaj, Š. "Problémy vo vzťahu československého štátu a protestantských cirkví po roku 1945 (menšinová politika a cirkvi)." *Annales historici Prešoviensis. Anno 2005*. Prešov, 2005, pp. 215–237.

Sutaj, Š., Olejník, M., Gabzdilová-Olejníková, S. *Nemci a Maďari na Slovensku v rokoch 1945–1953 v dokumentoch*, I. Prešov: UNIVERSUM, 2005, 260 p.

Vaško, V. *Dům na skále. Cirkev zkoušená (1945 – začátek 1950)*. Kostelní Vydří: Karmelitánské nakladatelství, 2004, vol. 1, 256 p.

Vengerskoe natsional'noe men'shinstvo v Chekhoslovakii v kontekste mezhgosudarstvennykh otnoshenii. Dokumenty i materialy. 1944–1951 gg., compl. by G. P. Murashko, S. M. Sloistov. Moscow: ROSSPEN, 2017, 464 p.

Vlast' i tserkov' v Vostochnoi Evrope. 1944–1953. Dokumenty rossiiskikh arkhivov: in 2 Vols., compl. by T. V. Volokitina, G. P. Murashko, A. F. Noskova. Vol. 1. 1944–1948. Moscow: ROSSPEN, 2009, 888 p.

Volokitina, T. V., Murashko, G. P., Noskova, A. F. Moskva i Vostochnaia Evropa. *Vlast' i tserkov' v period obshchestvennykh transformatsii 40–50-kh gg. XX v.: Ocherki istorii.* Moscow: ROSSPEN; Fond Pervogo Prezidenta Rossii B. N. El'tsina, 2008, 807 p.

Zhelitski, B. I. *Vengriia noveishikh vremen. Ocherki politicheskoi istorii 1944–1994 gg.* Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, 2017, 648 p.

Zhelitski, B. I. “Problemy vyseleniiia vengrov iz Chekhoslovakii.” *Natsional'naia politika v stranakh formiruiushchegosia sovetskogo bloka. 1944–1948*, ed. by V. V. Mar'ina. Moscow: Nauka, 2004, pp. 211–284.

Zouhar, J. “Prehľad cirkevnnej historiografie v Českej republike v novom tisícročí.” *Konštatínove listy*, 2014, r. 7, pp. 73–89.

DOI: 10.31168/2073-5731.2025.3-4.04

S. M. Sloistov

**Czechoslovakia and the Slovak Calvinist Hungarians:
from the Contradictions of the Interwar Period
to the Crisis Phenomena of 1945–1948**

Sergei M. Sloistov

Junior Research Fellow

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences
119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation
E-mail: s.sloistov@inslav.ru
ORCID: 0000-0002-4591-4223

Citation

Sloistov S. M. Czechoslovakia and the Slovak Calvinist Hungarians: from the Contradictions of the Interwar Period to the Crisis Phenomena of 1945–1948 // Slavic Almanac. 2025. No 3–4. P. 77–105 (in Russian).
DOI: 10.31168/2073-5731.2025.3-4.04

Received: 13.01.2025.

Revised: 21.01.2025.

Accepted: 16.09.2025.

Abstract

The crisis the Czechoslovak Calvinist community faced in 1945–1948 cannot be considered in isolation from the dynamics of the national emancipation of its Slovak part in the interwar period. The contradictions that developed at that time between the Slovak minority and the Hungarian majority within the Reformed Church in Czechoslovakia became the starting point for the subsequent confrontation in the period from the First Vienna Award to the end of World War II, and then during the critical year of 1948. The restoration of the Czechoslovak authorities' control over the southern regions of Slovakia and the integration of these lands in the post-war period under analysis were carried out with the help of a system of anti-Hungarian discriminatory measures, which are considered in this paper. However, the general anti-Hungarian policy of the Czechoslovak state also had its own characteristics. Its implementation depended on the specific features of a particular group within the Hungarian minority. The paper pays special attention to the existence of the Calvinist Church during this critical period for the Slovak Hungarians. In addition to the anti-Hungarian reasons that determined its functioning, the author touches upon the development of the confrontation between the left forces in the country and the Catholic Church, which is important for understanding its position. Thus, the circumstances that are significant for some Slovak Hungarians are studied, primarily related to the sphere of church-state relations, but at the same time influencing the results of the nationalities policy of Czechoslovakia in relation to the Hungarian national minority. The author used archival materials, including some previously unpublished and discovered abroad.

Keywords

Hungarians in Slovakia, Calvinists, Reformed Church, nationalities policy, discrimination, state-church relations, Hungarian-Slovak relations, Czechoslovakia.